
Архитектоника постмодерна. Пространство

А. В. РУБЦОВ

В развитие статьи [Рубцов 2011] рассматриваются представления о постмодерне как парадигме, для которой ключевым является пространство (подобно тому как средой модерна было время). Показано, что сосредоточенность модерна на темпоральности и времени ограничена модернистским культом проекта: всякий проект задает движение, но его же и блокирует своей остановленной завершенностью. Не с меньшим основанием именно постсовременной науке приписывают “переоткрытие времени”. Вводится понятие неоклассической (пространственной, графической) рациональности как одного из возможных направлений выхода из постмодерна.

This article further develops the ideas presented in the former publication [Рубцов 2011]. It focuses on the views about postmodernity as a paradigm for which the key issue is space (similar to the way time was the milieu of modernity). It is argued that modernity’s concentration on temporality was restricted by the modernistic cult of project: any project determines movement but at the same time blocks it by own restrained conclusion. Likewise postmodern science is regarded as “rediscovering time”. The notion of neoclassic (spatial, graphic) rationality is being introduced as one of the possible ways to come out of postmodernity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постмодернизм, постмодерн, постсовременность, время, пространство, переоткрытие времени, неоклассицизм, рациональность, after-postmodernism, выход из постмодерна.

KEY WORDS: postmodernism, postmodern, postmodernity, time, space, rediscovering time, neoclassic, rationality, after-postmodernism.

Тупики постмодернизма: в ожидании выхода

В предыдущей статье [Рубцов 2011], рассматривавшей постсовременные коллизии прежде всего во *времени и истории*, были поставлены два вопроса к постмодерну: “Сколько можно?” и “Что дальше?”. Эти вопросы конденсируются в воздухе культуры, но и повисают в нем. Умонастроение зреет, его артикуляции есть, хотя пока чаще “на полях”, но ответы уже задерживаются. Триумфальное шествие постмодерна в базовых предметных областях и сферах активности, не всегда видимое невооруженным взгля-

дом, спецлитературой описывается с такой же радостью, как победы советской власти в Кратком курсе. Более того, постмодерн при всей винтажности и поношенности стиля в глазах его первооткрывателей до сих пор продолжает “первооткрываться” неопитами как территория будущего, как новейшее из откровений в общей теории мира и в “интеллектуальных религиях”. И все же бреши появились. Если без конформизма, можно уже в обозримое время собрать интеллектуальное и эстетское движение под лозунгом *выхода из постмодерна*.

Такой поиск в отдельных движениях культуры начат – хотя чаще интуитивно, без систематической рефлексии. Но учитывая остроту проблемы (не исчерпываемую концептуальной оскоминой, теоретической скукой и жаждой очередного нового), скорости здесь явно не хватает. Тупики постмодерна обозначились в глобальных связях и мультикультурализме, в новой геостратегии, в мировой и страновой экономике, особенно в финансах, в экологии, в политическом дизайне и социальной инженерии, в управлении сознанием и в идеологии. Они видны в регулировании дел и производств, в архитектуре и формировании предметно-пространственной среды, в этике исследований и динамике инноваций, в познании и практической утилизации его результатов. Пора все это собирать, подводя под *общий тренд*. Тогда есть шанс на выход из системной ограниченности постмодерна и ряда ситуаций, пока кажущихся тупиковыми, вплоть до невозможности реверса.

Однако такой выход (насколько он возможен) должен быть достаточно просторным – отдельные “калитки” здесь не устраивают. Приходится затрагивать фундаментальные категории, сначала отделившие постмодерн от модерна, а теперь подсказывающие выход из путаницы. Большой путаницы, чем в *пространственно-временных отношениях* модерна и постмодерна, давно не было.

Из времени в пространство (из истории в географию)

Применительно к особо крупным цивилизационным, культурным, идейным, политическим и т.п. явлениям слово “выход” в сознании автоматически связывается не с дверью, а с координатой времени: что *потом*? И естественно (привычно) возникает желание представить состояние *после постмодерна* как еще одно движение, приходящее на смену, как постмодерн в свое время сменил модерн (насколько смог).

Отчасти это неизбежно: физическое время никто не отменял, и всякое новое будет *после*. Однако в отношении постмодерна с его предшественниками и последователями есть нестандартные моменты. Эти *до, после и потом* применительно к ситуации входа в постмодерн и выхода из него часто корректнее читаются в пространственных терминах *рядом и вокруг*. И даже *вместо* не всегда получается: изменения случаются не как простое замещение, а как *перестановки – обмены местами*. Динамика сменяется комбинаторикой.

Прежде всего: постмодерн если не отменил, то поставил под фундаментальное сомнение саму *модель прогресса* – поступательного и кумулятивного развития по восходящей. Светлая идея восхождения в истории и без того была безусловной, тем более не вечной, особенно в культуре (циклизм и апокалипсизм, вечное возвращение, слезы утраченного Золотого века и т.п.). Но эти возражения не стали определяющими: циклизм прочно и надолго сменился линейностью. В обыденных смыслах и главных рефлексиях цивилизация жила с идеей прогресса, пусть не всегда прямого. Если в Средних веках и увидели откат, то уже Ренессанс отряхнул идеалы и формы античности, а модерн довел импульс Нового времени до экзальтации, на чем и сломался, казалось бы, сломав заодно и всю идею прогресса. Однако это “казалось бы” из предыдущей фразы не риторическое: прогрессистская традиция во многом осталась – хотя бы в понимании самого постмодерна как движения, приходящего *после* модерна и *на смену* ему (освобождение от плоского прогрессизма как еще один “прогрессивный” шаг). Общеупотребимая периодизация эпох цивилизации также подразумевает *восхождение* – если об идее прогресса не думать специально и критично¹.

В самых разных сферах культуры и жизни постмодерн еще далеко не все и не всех победил: в сознании и политике, в исследовании и творчестве остались анклавы модерна, причем прогрессирующего. Однако эта включенность модерна в постсовременность не только остаточная, но и системная. Всеядность постмодерна распространяется и на модерн. Постмодерн не был бы самим собой или был бы неполным и непоследовательным, если бы не мог с позиций всепоглощающей метапарадигмы и метастилия переваривать все подряд, включая модерн. Это видно и в среде, по композиции: постсовременный город легко включает в общий коллаж и современную, в том числе модернистскую архитектуру (кстати, нынешний хай-тек – далеко не всегда постмодерн). Поглощение модерна постмодерном проявляется в концепциях и в умонастроении, в комбинациях теорий и практик, в системах идей и институтов. Но если постмодерн, отрицая модерн, тут же и вбирает его в себя, это акт скорее *пространственный*. Цивилизацией овладевает особое беспокойство – охота к перемене мест, а не вещей (как раньше).

В философических осмыслениях географии эпоха времени с модерном и вовсе уходит: с постмодерном наступает эпоха пространства, а значит... географии. "...Сегодня, пожалуй, скорее пространство, чем время, оказывается тем, в чём таятся для нас причины происходящего, а "making of geography" даёт нам основную часть свидетельств насчёт и мира повседневности, и мира теорий. Таков обет географий эпохи постмодерна" [Соджа 1989, 10]; см. т.ж.: [Харвей 1992]. (Хотя в том, что географы делают из пространства такой же знак постмодерна, каким для модерна было время, есть понятный, почти грубый конфликт интересов).

Тенденция есть и в языке знания (причем не только философии и социогуманитарных наук), упершемся в пространственную метафору: *situated knowledge, localized subjectivity* и т.п. Даже когда описывают представления классической науки, теперь активно используют пространственные термины (по "динамической *траектории*" объекты движутся организовано, как по "дорожным картам", столь модным в новейшей геополитике). Язык философии постмодерна также осваивает пространство: плоскость, складка, след, замещение, расстановка... Этот сдвиг в философском сознании и в коллективном бессознательном науки отражает особую *географичность* нового восприятия мира и мышления о нем. Или его *архитектурность*. Так точнее: архитектура объемнее географии и физически, и по смыслу, по составу измерений.

Наконец, пространственное захватывает обыденность и культуру: "...В нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма" [Джеймисон 1991, 155]. Автор этой сентенции Ф. Джеймисон называет историю "утраченным референтом", "мифом".

Позже мы специально рассмотрим еще одно небывало радикальное отрицание времени – в физической картине мира эпохи *модерна* (до сих пор речь шла о критике темпоральности именно в постмодерне). Забегая вперед, отметим, что это и есть та самая путаница, о которой говорилось выше.

Наряду с идеей прогресса постмодерн пытается преодолеть и оценочные иерархии, бинарные оппозиции высокого и низкого. Если новое более не воспринимать как априори высшее, то и высокое как таковое перестает быть предметом безоговорочного культа. "Низкое" уравнивается в оценках, а то и культивируется – особенно там, где оно в дефиците, как спонтанная среда в тотальном городе. Но с иерархической оценкой исчезает и вектор, в том числе вектор времени. Если телега истории не движется вверх или вниз, проблема "завтра" вообще не так значима.

Тогда иначе выглядит возможный исход всей постсовременной интриги, подсвеченный опять же отношениями между архитектурой произведения и средой: уже виден тупик комбинаций, "останавливающий" новое в этой системе и самое время обновления отношений проекта и среды – самой "архитектуры архитектурного". Еще раз: 1) сначала произведение погружено в естественную среду, будь то природа вовне или "вторая архитектура" в городе; 2) потом проект вытесняет все непроектное: природу из восприятия, спонтанные процессы из среды города; 3) постмодерн реагирует, имитируя спонтанность

в ансамблях, ранее, наоборот, стягивавших порядок, а частные пространства не хуже модерна оставляет удручающе регулярными, комфортабельной казармой. Затем...

Затем время кончается. Выбор ограничивается *перестановкой* составляющих проекта и среды, пространственно: ничего качественно нового здесь не может быть “физически” и “геометрически” – в наборе элементов и вариантов. Остается вернуть архитектуре произведения неоклассику, а среде – подлинную, живую спонтанность, свойственную частному и позволяющую времени подгонки и кристаллизации красиво отливаться в пространствах *исторически сложившегося*. В архитектуре, в ее технике, форме и стиле, и дальше может происходить что угодно – но только не на метауровне, не в архитектуре отношений произведения и среды. Здесь комбинации исчерпаны.

Схема работает не только в архитектуре. Реабилитация низовой, частной спонтанности в принципе способна поддержать явно ожидаемый приход неоклассики, создав для нее фон, правильную нишу. Это возвращает к состоянию до апофеоза модерна с его тотальным порядком и безоглядным вперед и вверх, а там хоть трава не расти. Круг замыкается: в этой схеме отношений между проектом и естественным кардинально новое вряд ли представимо. Остается либо постмодернистская суета в тупике, либо возвращение, на этот раз не “вечное”: здесь история учит, а за повтор ошибок наказывает сурово, для идеологий и политических систем – летально.

Модель реабилитации проекта и неоклассики в среде живого и честного, настоящего спонтана требует развития и разных приложений – в архитектуре, знании, культуре, социуме, политике, экономике: схема почти универсальна. Но раньше надо затронуть еще один план осложнений модерна с временем. Тем более, что далее будет симметрично показано, как обратный сдвиг постмодерна – из времени в пространство – также можно интерпретировать... с точностью до наоборот.

Историчность модернизации и концы модерна

В эпоху постмодерна пространственная составляющая усиливается даже в самих процессах модернизации, и здесь ограничивая роль времени.

Среди разных трактовок “модернизации” едва ли не основная – переход от традиционного общества к современному. Но это не всегда удобно: при таком понимании модернизация не нужна обществам, в модерн уже вошедшим, что вряд ли. Сейчас ближе к делу выглядят подходы, в которых модернизация понимается проще, но шире – как достижение передового (на этот момент) рубежа. Однако и здесь остается дыра: тогда что такое модернизация для тех, кто и так на передовом рубеже? Или для тех, кто все же продвигается вперед, но рубежей так и не достигает?

Иногда полезнее доверять мудрости обыденного словоупотребления. Например, когда в жизни запросто говорят о модернизации оборудования на предприятии, модернизация понимается, как ни странно, предельно широко – как *приведение к современности*, причем именно как *процесс* (необязательно завершенный).

Эта трактовка подтверждает, что само понятие *современного* исторично: оно именно возникает и необязательно навечно. Понятие современного не имеет смысла, пока всё одинаково современно. Оно становится осмысленным, только когда возникает *несовременное*. На повышенных скоростях изменений ткань цивилизационной, культурной и социальной материи расслаивается, возникают болезненные, часто кровавые разрывы между лидерами и отставшими. Разделяется и социум: наряду с нормальными людьми в нем появляются новаторы и ретрограды, прогрессисты и консерваторы². Одновременно мир становится более цельным: уровни развития стран начинают ревниво сравниваться, различия в них становятся жизненно значимыми, порой фатальными. Начинается великая и драматичная история *догоняющих модернизаций*. Процесс становится определяющим для мирсистемы и геостратегии. Но и эта история не вечна: уже в обозримой перспективе сближение пелетона с группой лидеров может быть существенно замедлено, прервано или изменено до неузнаваемости.

Отставания приобретают склонность становиться *необратимыми*. Мы попадаем в другую историю. Эра догоняющих модернизаций заканчивается, но не потому, что разрывы исчезают, а потому что консервируются. Лидеры идут вперед быстрее догоняющих (у одних уже вторая производная, другие еле дотягивают до первой – и это нормальное следствие экспоненты ускорения обновлений, переходящих в перманентную революцию, почти по Троицкому). В итоге мир прямо сейчас стремительно делится на тех, кто успевает войти в поток сверхбыстрых изменений, и на тех, кто в него уже никогда не войдет³.

Вместе с тем нельзя сказать, что для “навски” оставших дорога в будущее закрыта напрочь и во всем. Просто приведение к современности в большей степени становится *пространственным*: предельные (на данный момент) инновации распространяются в глобальном пространстве в ходе вывода производств и в их географической диверсификации, в частичном втягивании оставших в инновационные процессы (русские и индусы – программисты в главных исследовательских и креативных центрах Запада). Лидеры в экономике знания выводят в третий мир не только производства (где рабсила дешевле и природу не жалко), но уже и проектирование. Модернизация как темпоральный процесс дополняется, а часто и вытесняется перемещением, движением в пространстве. История инноваций частично поглощается их географией.

Возможно и замедление собственной модернизации лидеров из-за ограничения роли ряда основных факторов форсированного обновления: идеологических и статусных, гонки вооружений, отчасти экономических (снятие монопольной ренты с инноваций первого эшелона). Но останутся вечные мотивы: расширение человеческих возможностей и естественное давление нового, спонтанного креатива (из любви к искусству). Это делает *любую* модернизацию догоняющей, постоянно подтягивающей передовые страны к еще более передовым рубежам их же собственного сознания и опыта (внутреннее лидерство и внутреннее отставание). Зато все острее будут становиться проблемы геостратегической реорганизации мира, устройства модернизационного процесса в пространстве. Нерешенность проблем в политической географии будет становиться все более тяжким грузом для модернизационной истории.

Более того, модерн, самосохраняясь в контексте постмодерна, во многом и сам может оказаться близок к исчерпанию. Например, в плане инноваций и самой науки. Уже видны некоторые пределы ядерной физики: углубление в микромир уже не кажется бесконечным по мере приближения одновременно к самым маленьким частицам и к самому большому взрыву. Это оглушает: за время жизни частиц 10^{-23} сек. объект пролетает расстояние в диаметр ядра, но в этих частицах – объяснение мегасобытия, состоявшегося 13,7 млрд. лет назад. На самом видном месте в ЦЕРНе висит вертикальная схема (график, дорожная карта), показывающая, сколько уже пройдено в углублении в микромир и, что то же самое, в историю этой Вселенной – и сколько осталось. Визуально – почти ничего. Неуютно, но не столько от близости конца этого славного пути, сколько от самого его наличия. Религиозные веяния в ЦЕРНе – явление неординарное, но объяснение намечается в прогрессе информационных технологий, развивающихся по линии получения максимально быстрого доступа к максимальным объемам данных. Революция Гейтса уже была не технической, а гуманитарной: он придумал сделать, придумал, как сделать, и, наконец, сделал бытовым и общедоступным прибор, технически существовавший до него. Одним словом, *переместил*. Это повлекло за собой множество попутных и обеспечивающих собственно технических и программных инноваций, но сам ключевой сдвиг был *пространственным*. Теперь пользователь среднего РС легко носит с собой библиотеку в сотни тысяч томов (практически все, что на данный момент оцифровано), а 3G открывает и вовсе неограниченный доступ к информации. Уже теоретически возможен вопрос, не является ли доступ к информации близким к исчерпанию по объему и практически значимой скорости? С учетом ограничений человеческой биологии и психики и даже при допущении бесконечного числа запросов разных пользователей, здесь уже намечаются теоретические пределы.

Аналогий достаточно для обобщений: “Последние годы отмечены опрокинутым миллениаризмом, в котором предостережения в отношении будущего, катастрофы или искуп-

ления, замещаются ощущением конца самых разных явлений (конца идеологии, искусства или социального класса, кризиса ленинизма, социальной демократии или государства всеобщего благоденствия и т.д. и т.п.): взятое вместе, все это, возможно, составляет то, что все чаще называют постмодернизмом” [Джеймисон 1984].

Модерн как прогресс вне времени

Вместе с тем схема, в которой модерн олицетворяют время и прогресс, а постмодерн – перемещение и пространство, не безусловна. Не исключено, что именно этой путаницей завален (и именно здесь возможен) выход из лабиринта.

Если модерн – это прежде всего проект, то каждый проект как таковой по определению останавливает время. Он делает это уже своей централизованно тотальной завершенностью. Проект – это документ, строго говоря, закон, по которому ведется строительство. Этот план обращен в будущее, он обеспечивает изменение и движение, но в той мере, в какой он жестко предопределяет будущее и движение к нему, время останавливается. В ходе строительства реальность изменяется в сторону проекта, но будущее оказывается фиксированным, неподвижным. Проект забегает вперед, но, неизбежно застывая, часто оказывается позади времени, морально устаревая еще до реализации. Сплошь и рядом это бывает в политическом проектировании и социальной инженерии, в градостроительстве и архитектуре (реже в технике). В этом смысле сам модерн одновременно и адепт идеи прогресса, но и ее могильщик, не хуже постмодерна. Он устремлен в будущее, но само это будущее уже никуда не устремлено. Это субъективно ощущается в странной опустошенности в момент окончания, сдачи и закрытия всякого большого проекта: кажется, что “время встало”, а в тебе что-то умерло.

Подобным образом можно проработать некоторые базовые схемы синергетики, в частности в терминах обратимости и необратимости процессов. “Переоткрытие времени” обычно связывают с идеологией постмодерна. Соответственно, предшествующая парадигма с ее отрицанием времени логично увязывается с модерном. Это вполне укладывается и в логику останавливающего время проекта как сути модерна, и в новые парадигмы знания.

Согласно досинергетической идеологии, детальное равновесие базируется на принципиальной обратимости элементарных процессов во времени. Система движется по динамической траектории, которая может быть обращена вспять мгновенным разворотом всех скоростей и в этом случае пробежит все предшествующие состояния, приведшие к точке инверсии [Николис, Пригожин 1990]. Соответственно, в потенциале эта траектория симметрично развернута в будущее. Эта картина мира – тоже своего рода законченный в себе *проект*, хотя и поданный как описание процесса, якобы бесконечного “вперед” и “назад”. И как всякий законченный проект, такое полотно также останавливает время (в том смысле, в каком это описано выше). В новой философии физики это поняли сразу: “Обратимость законов... обеих фундаментальных наук, созданных в XX столетии – квантовой механики и теории относительности, – выражает такое радикальное отрицание времени, какого никогда не могли вообразить никакая культура, никакое коллективное знание” [Пригожин 1989, 8]. В околонучном модернизме этот провал с временем произошел как раз тогда, когда в гуманитаристике, не уделявшей особого внимания специфике проектности, дружно рассуждали о модерне как о вместилище идей прогресса, развития, истории – самой темпоральности.

Нечто подобное есть в философии в ее классической ипостаси. Историзм является матрицей для идеи прогресса, но в классике всякая такого рода философская модель строится как завершенная конструкция, как *проект всей истории*, и в этом смысле историю отрицает, описывая ее ход и блестящий или жуткий финал, задавая рамочные параметры движения и цели. При этом даже не надо было так открыто впадать в трагедию вселенского и над-исторического системосозидания и моделировать идеальный конец (пусть хотя бы как неопределенно длящееся состояние и даже если подражать таким гениям

всемирно-исторического конструирования, как Гегель или Маркс). Достаточно идеи вечного, асимптотического приближения, например, в духе марбургской школы. Даже если культивировались незавершенность, недостижимое будущее и время, вечно ведущее к нему, процессы в этой модели философствования в любом случае получали внятное разрешение с фиксированной формой и тем “останавливались”. Это было не просто схемой мысли, понимания истории и бытия: пока философы думали и писали о том, каким мир станет и должен быть, политики и архитекторы этот мир таким, каким он “должен быть”, реально строили, безжалостно останавливая процесс дискуссий, экспертиз и согласований, перепланировок, чьих-либо некомпетентных и посторонних вмешательств. В проекте не бывает плюрализма, идеальный проект всегда тоталитарен⁴. Бывают корректировки, но и это лишь смена одной фиксированной позиции на другую, а не изменение сути и формы процесса, тем более его авторства и онтологии. Эта завершенность проектного действия санкционировалась в реальной жизни, в мировоззрении и мирочувствии, завершенностью самой мысли, всякого философского проекта и рисуемой им картины мира.

В этой модели слово “проект” почти без потерь может быть заменено на “произведение”. Более того: именно в сфере художественного, как нигде соединяющей однокоренные *завершенность* и *совершенство*, достигается апофеоз “остановленного времени”, в принципе исключая прогресс в истории искусства. Здесь, в сфере шедеврального, моделируются идеальные, нигде, ничем и никем не превосходимые продукты человеческой деятельности, более ни в какой другой сфере активности для человека не возможные (кроме философии, и то отчасти). Это принципиально разные модели прогресса; см.: [Рубцов 1979; Рубцов 2009].

Не случайно также, что предметы искусства изначально так привязаны к культам и захоронениям. Здесь видно, как модерн лишь нарастил и перевел в новое качество, но вовсе не открыл интенцию человека и установку культуры на то, чтобы победить время, в том числе простую конечность жизни, остановив историю хоть в чем-то, а именно в кантовской сугубо эстетической “закономерности без закона” и “целесообразности без цели” (больше нигде). Искусство не зря и по праву, причем вовсе не метафорически, относят к разряду *бессмертного*. Остальное все смертно (опять же кроме философии, и то отчасти) – в технике, в позитивной науке, в жизнеустроительных моделях (“вечная жизнь” таких изделий возможна, но в музеефикации, тоже как искусство). Однако когда с этим не смиряются, локальное “бессмертие” начинает убивать всё по соседству – в идеологии и знании, в социальном конструировании и в политике. В борьбе за “вечную” власть убивают физически.

Проект как произведение, как порождение искусства также бессмертен по определению, но этим своим бессмертием и он перекрывает жизнь остальному, в утробе лишая жизни другое и новое. Реальность меняется в ходе эпохального строительства, но в сфере идей, ценностей, изобретений и открытий, то есть в зоне собственно проектности, внутри проекта, ничего не меняется. В культе тотального проекта прогрессистский модерн утомительно статичен. (Это к вопросу о якобы безусловном культе времени, истории и прогресса в модерне).

Еще одно Переоткрытие Времени

Зеркальная ситуация – в якобы сугубо пространственном постмодерне. В естественных науках, в их новейшей философии (и, как полагают, именно в рамках естественно-научного *постмодерна*) происходит широко разрекламированное *переоткрытие времени*⁵. Признание фундаментальной необратимости процессов в системе считается здесь сильнейшей посылкой и откровением. «“Наука вновь открывает для себя время”, причем именно необратимость “есть тот механизм, который создает “порядок из хаоса”» [Пригожин, Стенгерс 1986, 35]. Это отчасти условность, поскольку время в физике присутствовало всегда; здесь скорее речь о появлении в физике *истории* – особого рода времени, не пустого, но наполненного, пронизанного полями и векторами, асимметричного, имеюще-

го “стрелу” и даже “стрелы” – направленность. И. Пригожин называет материю не данностью, но “продуктом истории”, а эволюцию мироздания – “историей времени”⁶.

Но если вслед за отдельными философами и всеми географами отрывать постмодерн от времени и замыкать его на пространство, то либо все эти научные откровения про время и историю в физике, ботанике и т.п. не постмодерн – либо сугубая пространственность и атемпоральность постмодерна сама есть уклонизм и миф.

Здесь удобно опять обратиться к архитектурной, средовой аналогии как к “контрольной предметности” постмодерна и “контрольному эксперименту”. Все, что излагается в терминах истории, темпоральности, необратимости, устойчивости хаотизма, возникновения порядка из хаоса и т.п., с точностью до знака соответствует описаниям свойств и процессов становления спонтанной архитектуры – исторически сложившейся среды. Это ровно одно общее движение в познании мира и в его предметно-пространственном созидании. Такой синхронизм в истории цивилизации и культуры не нов (в свое время понимание мира как мегамшины, как гигантской заводной игрушки, идеально соответствовало приходящей эпохе машинных производств и механических социумов). Загадкой остается, каким образом и почему те или иные естественно-научные открытия делаются именно в то время, когда аналогичные процессы набирают силу в политике и истории, в культуре (например, логика бифуркаций). Тем не менее влюбленность науки в порядок из хаоса и радикальная эстетизация спонтанной среды с ее особыми, неклассическими порядками явно составляют одно интеллектуальное и культурное движение. Более того, в спонтанной архитектуре особенно хорошо (даже лучше, чем в хаотической динамике) видно, как время начальных изменений (предварительная эволюция), отливается в итоге в исторически сложившемся *пространстве*. Если динамическая траектория в физике – это проект, то сложившаяся среда в архитектуре – это окаменевшая история.

В архитектуре для достижения качеств сложившейся среды даже не обязательно наличие изменений и процессов в обычном смысле. Важнее развилка: проект либо свобода, в нём или от него. Улица может быть застроена домами в разное время, но если это делается по единому проекту, присутствие времени и истории воплощения здесь ничего не решает: подавляет единовременность плана. И наоборот, если дома строили одновременно, но по отдельным проектам, это вполне обеспечивало качество спонтанности и почти все свойства “исторически сложившегося”. Проекты, разнесенные в пространстве создания (по разным подрамникам и планшетам, авторам и мастерским) парадоксальным образом в сумме уже дают качество времени, истории. И даже простая синхронность создания проектов этого не отменяет, выводя на все те же предельные, частные случаи с “нулевой историчностью”. Хаотическая динамика в физике или ее аналоги в биологии, по сути, совершают нечто подобное: они отказываются от единого наперед заданного проекта, в котором все однозначно расписано из настоящего в прошлое и будущее (проект всего процесса) и высвобождают место для *исторически сложившегося* (“от бытия к становлению”, из “мира траекторий” в “мир процессов”)⁷.

Все это предохраняет от опасности списать всё в постмодерне в пространство, недооценив его темпоральность (не говоря уже о постмодернистских симпатиях к историческим аллюзиям, что уже и вовсе банально). И даже намекает на необходимость особого прочтения связей пространства и времени в свете соотношения проекта и исторического становления, на особые свойства такого континуума, возникающие, когда в него привносят план и действие. Более того, здесь намечается движение к новой (или к новому воссозданию старой) модели соединения в одном целом цивилизации (или физической реальности) *проекта* с культурой свободного формирования естественно сложившейся *среды*, всего *возникающего и становящегося*. Не хватает и естества, и порядка. Сейчас мы не имеем ни того, ни другого: проект косит под утраченную среду, а среда проектируется как тотальный проект, если не считать по-разному растущих деревьев. Однако это тема отдельного разговора и специальной статьи – на этот раз про *континуум*.

Одновременно это проблема примирения двух миров – траекторий и процессов, двух стратегий их освоения. “В истории западной мысли господствующее положение занимает конфликт, связанный с понятием времени, – противоречие между инновационным вре-

менем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира, в котором любое изменение, любое новшество с необходимостью оказываются не более чем видимостью⁸. Сюда же примыкает дихотомия “наук о природе” и “наук о культуре”, “исторических наук” в духе Г. Риккерта.

Новая парадигма естествознания, казалось бы, почти снимает это противопоставление. Физика, химия, биология и пр. тоже становятся историчными. Иными словами, они также отходят от изучения природы как пространственного проекта и пытаются обнаружить в нем спонтанное, не вполне заданное и предсказуемое становление, причем не видов, а молекул, не каузальных цепочек, а “кирпичиков”. Однако в реальном формировании среды нашего обитания эта проблема не снимается, по крайней мере, в парадигме постмодерна. Здесь еще мало что изменилось даже в сравнении с “хаотической” культурой физики, но уже явно зреет следующий (или параллельно необходимый) шаг – реабилитация классики, приход неоклассического. Еще нет живого спонтана с его органично организованным хаотизмом, но по ощущению уже не хватает простого и строгого порядка, правильных и чистых построений.

Генерирующим философские и научные конструкции это удобнее показать на особой пространственности текстов, исполненных в классической стилистике и рациональности и на живой темпоральности, но пространственной хаотичности текстов постмодерна и особенно постмодернизма.

Непространственный постмодерн и графический рационализм

Итак, во взаимоотношениях постмодерна и пространства ситуация симметрична взаимоотношениям модерна и времени, то есть крайне неоднозначна. Если модерн, будучи заиклен на истории и прогрессе, в то же самое время останавливает темпоральность тотальным или близким к тотальности проектом, то постмодерн, наоборот, перенося акцент в пространство, тут же возвращает и культ историзма. Это проявляется хотя бы в эстетизации и моральной переоценке спонтанно формирующейся среды – исторически сложившегося как порождения времени. Когда рассуждают о географичности постмодерна, об этой его общеизвестной темпоральности как-то забывают или, как минимум, ее недооценивают. А если и не забывают, то эту историчность с географичностью никак или сколько-нибудь осмысленно не связывают.

Но вместе с тем в исторически сложившемся постмодерн культивирует уже *застывший* процесс, его *итог*. Здесь постмодерн пассивен: процесс он эстетизирует, но его не запускает, а лишь имитирует его результат (по крайней мере в своей активной ипостаси – в творческом постмодернизме). В итоге сейчас это начинает почти так же утомлять, как в свое время заорганизованность модерна. Это ощущается одновременно и почти одинаково в архитектуре, литературе, философии и музыке. На фоне искусственно и равномерно недоорганизованной и не вполне внятной кудрявости все более хочется правильного, простого и чистого. Если не другого языка, то хотя бы другого в языке.

Но здесь неожиданно приходит на помощь именно пространственность мысли и речи, языка. Причем языка не постсовременного, тем более не постмодернистского, а именно классического, воплощавшего лучшие, самые изящные и строгие интеллектуальные конструкции классики и еще не зарвавшегося модерна.

Как уже отмечалось, в продвинутой постсовременной речи наблюдается сгущение сугубо пространственных терминов и оборотов. Это, казалось бы, работает на тему “постмодернизм и пространство”, “постмодерн и география” (в широком, а не в узкопрофессиональном понимании этого слова). И, несомненно, связь тут есть.

Однако все иначе выглядит, если иметь в виду не просто элементы языка и фигуры речи, а форму и конструкцию мысли, всего интеллектуального построения. В этом плане тексты постмодернизма (а иногда и постмодерна) феерически непространственны, негеометричны. Это скорее темпоральная композиция, поток слов и мыслей, часто без начала и конца, без видимой макроструктуры.

Классический текст, будь то литература, философия или музыка, всегда можно перевести в формат пространственного проекта: в нем есть своя более или менее строгая архитектура. Такой текст можно – не метафорически, а вполне реально – “изобразить”, “вычертить” в твердой графике, показав его осевые линии, несущие конструкции, иерархии, сечения и пропорции, ритмы, линии и плоскости симметрии. Это будет не сам и не весь текст, а только его проект, его архитектоника, но после раздевания такого скелета и сам текст становится понятнее.

Постмодернистский текст вычертить нельзя или крайне трудно: в нем нет или почти нет организованного пространства, видимой конструкции, архитектуры, а потому кажется, что в нем нет понятного пространства вообще, а есть только время более или менее равномерного, монотонного изложения. Это даже не поток сознания, а омут (причем не бессознательного или подсознания, а именно пародии на сознание и радио, хотя нередко и виртуозной). В такой текст можно входить в любой его точке – и так же произвольно выходить. В нем вообще нет дверей, только окна, чтобы заглядывать и выглядывать.

В некотором смысле эти схемы могут быть использованы и для понимания рациональности и рационализма вообще. Рациональная мысль как таковая всегда может быть изображена в той или иной схеме. Это не значит, что на такое способен каждый рационально мыслящий, но это должен иметь возможность сделать каждый, одновременно и понимающий текст, и способный переводить его в графические, визуальные абстракции.

Более того, даже не обязательны такие эксперименты в твердой графике: всегда и так более или менее видно, может ли текст своей конструкцией быть представлен как внятный графический проект – или же это получится нагромождение закоулков и чуланов, хотя бы и с отдельными небывальными мыслями.

Пока география теснит историю, “архитектурная рациональность” как мышление в пространственных образах готова оспорить монополии мышления сугубо вербального, в плывущих смыслах, вопиюще полисемичного, тонущего в авторских неологизмах и экзотических контекстах. Утоmlенные постмодерном в архитектуре и философии с нежностью вспоминают о Версале и Декарте. На высших уровнях работает принцип: если ваша мысль не графична, в ней не хватает логики, а то и самой мысли. Плывущие смыслы имеют право на жизнь – но там, где им, как в городе, не хватает хребта, приходится отшучиваться.

Как выход из положения напрашивается конструкция текста, изоморфная городской среде, в которой есть и регулярный градостроительный каркас, но и спонтанность микро-среды, создающие одновременно и контраст, и единый организм. Причем чем графичнее (и тем самым рациональнее) макроструктура текста и самого смысла, сего “скелет”, тем свободнее и раскованнее, спонтаннее может быть его “мясо”.

Это тянет на обобщение: хорошо и разом организованное макропространство всегда допускает живую спонтанность микропроцессов во времени становления. И наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

Джеймисон 1984 – *Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism* // *New Left Review* I/146, July-August 1984.

Джеймисон 1991 – *Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC, 1991.

Модернизация Китая 2010 – *China Modernization Report Outlook (2001–2010)*. Peking, 2010.

Николис, Пригожин 1990 – *Николис Г., Пригожин И. Познавание сложного*. М., 1990.

Пригожин 1980 – *Prigogine I. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences*. San Francisco, 1980.

Пригожин 1989 – *Пригожин И. Переоткрытие времени* // *Вопросы философии*. 1989. № 8.

Пригожин, Стенгерс – Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М., 1986.

Рубцов 1979 – *Рубцов А.В. Художественное произведение как модель “завершенного познания”* // *Вопросы философии*, 1979, №10.

Рубцов 2009 – *Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации*. М., 2009.

Рубцов 2011 – *Рубцов А.В.* Архитектоника постмодерна. Время // Вопросы философии. 2011. № 10.

Соја 1989 – *Soja E.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. L., N.Y., 1989.

Харвей 1992 – *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Wiley-Blackwell, 1992.

Примечания

¹ Здесь интересен перевод времени истории в пространство географии, предпринятый Чуаньци Хэ, руководителем Центра исследований модернизации Китайской академии наук. Четыре эпохи цивилизации – примитивное общество, аграрное, индустриальное и постиндустриальное, общество знания – совпадают с четырьмя основными зонами (течениями) великой китайской реки – от Тибета до впадения в океан [Модернизация Китая 2010]. Раздел называется “Река Янцзы как модель процесса человеческой цивилизации. Длинная река истории и социальной эволюции”.

² Подобное бывало и раньше, причем даже в таких сакральных сферах, как вера и церковь, но это не было мейнстримом, знаком самого времени.

³ Есть прогноз, что к середине века окно возможностей может чуть приоткрыться еще раз, но это не принципиально: к группе А потенциально в состоянии присоединиться не более 5% стран, а при нарастающем дефиците времени и того меньше.

⁴ В частности, это выпукло проступает в целом ряде построений того же Ф. Джеймисона. Подчеркивая в модернизме (в противовес реализму с его “эпистемологическими” притязаниями) повышенное значение стиля, индивидуальности субъекта, автономности автора и самого искусства, он, по сути, описывает доминирование проекта над реальностью и историей. И почти тут же делает следующий шаг к идее тотальности через сближение значимых в этом контексте слов (например: “Мифы агрессии: Уиндхэм Левис, модернист как фашист”).

⁵ В частности о переоткрытии времени, о новом понимании необратимости и ее фундаментального значения не случайно пишут едва ли не во всех словарных статьях именно о постмодерне и постмодернизме.

⁶ При этом открывается не сама по себе необратимость, а ее универсальность: обратимость возможна лишь в узком ареале закрытых систем, и не исключено, что ее можно рассматривать как предельный, частный случай – как “пустую” необратимость. В хаотической динамике качественные свойства диссипативных структур фатально зависят от “предыстории системы”, создавая саму возможность устойчивых состояний в неравновесной среде – от физики до химии (“память” реакции) и биологической жизни (“прошлое” биосистем).

⁷ Кстати, в понятии “мир траекторий” не случайно употреблен графический, пространственный термин. По траектории тоже движутся во времени, но “по проекту” и в этом смысле пространственно, без истории.

⁸ Предисловие О. Тоффлера в кн.: [Пригожин, Стенгерс 1986, 9].